О. И. Ханкевич

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Введение. В многовековой истории римского права наиболее интересным нам представляется предклассический период, совпадающий с эпохой Римской республики (V–I вв. до н. э.). Сами римляне обозначали свое государство с республиканской, выборной системой власти, как *civitas*, или «гражданское сообщество, состоящее из тех, кто связан между собой общими правами и законами» (Цицерон. О законах. I, 6, 23). В данной статье мы обсудим сущность и механизмы функционирования государственно-правовых институтов римской *civitas*, которую современные антиковеды рассматривают как модель полисного государства. Именно в республиканскую эпоху в Риме зародились важнейшие гражданско-правовые институты, произошло институциональное оформление судебной власти, были выработаны механизмы процессуальной защиты, правовые категории и понятия. Наконец, в рассматриваемый период эдикты магистратов и комициальные законы стали главной формой правообразования. Дошедшие от времени поздней республики разнообразные по характеру источники позволяют выяснить те исторические реалии, которые стоят за теми или иными политико-правовыми институтами, категориями и понятиями.

Основная часть. Римские юристы право республиканской эпохи характеризовали как сумму общеполезных и практически применимых знаний для решения конкретных спорных ситуаций (лат. *casus*). Современные романисты говорят о преимущественно казуистическом методе разработки норм римского права, которое развивалось от решения одного конкретного казуса к другому. Поэтому многое в этой правовой системе ситуативно и состоит, по словам Гарсиа Гарридо, из *правил* (*regula*, в изначальном значении краткое изложение сути дела) и *определений* (*definitio*, описание правовой нормы, на которой основано судебное решение) [1, с. 88, 101]. Теоретик права, оратор и политик I в. до н. э. Марк Туллий Цицерон признавал право своего времени «темным и трудным», отчего судебные ораторы не имеют, по его словам, «никакого понятия о том, что значит свое, а что – чужое; на каком основании человека считать гражданином или иностранцем, рабом

или свободным» (Об ораторе. I, 38, 173–174) [2]. Древнеримская процессуальная практика в рамках истории республики прошла путь от правовых актов, основанных на ритуале и жестко заданных устных формулах, до создания института присяжных и специализированных судебных комиссий. По замечанию Э. Бенвениста, главной составляющей процесса правосудия было в архаическом Риме не деяние, а *изречение*. Устная формула-клятва (*ius* от *iurare* – клясться) предписывала тяжущимся то поведение, которого они будут придерживаться во время рассмотрения их дела. Изречение (*dico*, *dicere* – говорить) соответствующих данному случаю формул (ius) и породило терминологическое обозначение как самого процесса правосудия – *юрисдикция*, так и того, кто его осуществлял – *iu-dex*, т. е. судья [3, с. 308, 310]. Покровителем справедливого правосудия (*iustitia*) был верховный бог римлян Юпитер. Само слово *ius* некоторые исследователи возводят к Юпитеру (*Jovis*), именем которого клялись перед претором-судьей тяжущиеся, ибо клятва считалась тогда наряду с признанием бесспорным доказательством. Соотношение юридических и ритуальных форм судебного процесса, способы сакрализации правосудия вызывают у современных исследователей большой интерес [4].

Главным же достижением интеллектуальной юридической традиции республиканского времени стали идея *общей пользы* как основы права и положение о *равенстве граждан перед законом*. Обратимся к теоретическим трактатам и текстам судебных речей Цицерона, имя которого в качестве искусного оратора стало нарицательным. Цицерон утверждал, что право должно быть равным и справедливым для всех, поскольку оно установлено для защиты низших от высших: и те, и другие равны перед законом и одинаково им обуздываются (Об обязанностях. II, 12). Право имеет в виду добродетель и общую пользу, поэтому кто низвергает устои совместной жизни, низвергает и предписания гражданского права: «Никто не будет знать, где свое, а где чужое; не будет равных для всех прав; никто не будет уверен в том, что наследует и сохранит полученное от отца имущество». Знание права и его предписаний должно «вызывать чувство страха у тех, кто проявляет преступную отвагу» (За Росция. XX, 55). Закон справедлив и соответствует природе, если он защищает частную собственность, так как «обогащаться за счет других противно природе» (Об обязанностях. III, 2). Цицерон объясняет свою дефенсорную специализацию как судебного оратора стремлением «спасти невиновных, защитить слабых и оказать помощь несчастным» (За Мурену. XXVIII, 59; Об ораторе. I, 37, 169). В приведенных высказываниях

содержится характеристика римского гражданского (частного) права. Это личные и имущественные права с возможностью отчуждать, защищать и передавать свою собственность по наследству, а также те процессуальные нормы, которые связаны с гражданскими правонарушениями (*delictum*). При этом следует помнить предостережение римских *iuris prudentes*, т. е. знатоков, теоретиков права: «Всякое определение в частном праве чревато опасностью, ведь редко когда оно не может быть опровергнуто». Подобные изречения, или максимы, составили золотой фонд римского юридического наследия.

Рассмотрим судебный процесс эпохи Республики. Его отличали принципы диспозитивности, открытости, презумпции невиновности, свободного убеждения судей и их независимая оценка представленных сторонами доказательств. Республиканскому суду был присущ обратный порядок процесса. Разбирательство начиналось с речей тяжущихся и их представителей, затем происходил допрос свидетелей (их появление в суде было добровольным) и рассмотрение обстоятельств дела. При этом обвиняемый являлся не объектом, а стороной, имевшей право на молчание, что являлось, по словам Д. В. Дождева, негативным воплощением автономии личности в гражданском обороте [5, с. 223]. Любое правонарушение преследовалось тогда по частной инициативе, т. е. защита личных и имущественных прав зависела от самостоятельных действий индивида (принцип диспозитивности). Иск – центральное понятие римского права, образовавшее в нем самостоятельную правовую фигуру. На этом основании современная романистика рассматривает гражданское право Древнего Рима как систему исков. На практике имела место неразрывность материального содержания права и его процессуально-судебного обеспечения: иск порождает и материальное право, осуществляемое истцом в споре, и процессуальное право – судебное производство, в котором осуществляется разрешение конфликта интересов. При этом потерпевший сам возбуждал, формулировал и доказывал иск; он же гарантировал явку ответчика в суд и обеспечивал исполнение приговора.

Формула-заявление, которую истец произносил перед магистратом-судьей, являлась по своему характеру частным законом (*lex privata*), выражавшим волю конкретного субъекта. Однако магистрат признавал притязания истца обоснованными при условии, что заявленная претензия соответствовала признанным правилам общественной жизни. Поэтому начальная стадия судебного разбирательства обозначена в источниках как *in iure*, букв. «возведение к праву». Завершалась эта

стадия «засвидетельствованием спора» (*litis contestatio*). В сущности, это вид вербального *контракта*, в основе которого соглашение трех сторон процесса, устанавливавшее рамки спора, – истца, ответчика и магистрата. Истец выставлял основанные на праве претензии (*dictatio iudicii*); ответчик принимал выдвинутые истцом претензии (*acceptio iudicii*), а в случае признания им вины могла последовать мировая сделка (*pactum conventum*). Наконец, судья-магистрат, наделенный правом юрисдикции, давал ход делу (*datio iudicii*), назначая для его разрешения частного судью (*iudex, arbiter*). Наступала вторая стадия разбирательства, которая также имела образное название – «находиться под правом» (*apud iudicem*). Судья давал правовую оценку конфликта и компенсировал нарушенный частный интерес правовой санкцией (*iudicium*). Принцип диспозитивности состоял и в том, что решение принималось только на основании фактов, представленных к рассмотрению и доказанных сторонами. Решение судьи – истина в отношении рассмотренных судом обстоятельств, не подлежавшая в период Республики обжалованию [5, с. 249].

Частными лицами являлись в республиканском суде и представители сторон: обвинитель (*accusator*) и защитник (*defensor, patronus*). К ним следует присоединить «группу поддержки» – друзей-хвалителей (*laudatores*) и родственников сторон, стремившихся оказать на судей эмоционально-психологическое воздействие. Цицерон красочно описал подобное публичное разбирательство своего времени: судьи в сборе, все скамьи заняты, писцы бойко торгуют своими местами, а поодаль толпой стоят зрители, способные «по одному слову оратора рассмеяться или заплакать». «Мне всегда очень важно видеть, – говорил Цицерон, – насколько мой противник настаивает на каждом своем доводе, и еще важнее знать, как воспринимают эти доводы слушатели» (Брут. 84, 290). Дебаты на форуме или в базилике (крытая галерея) могли продолжаться весь световой день, пока не был принят специальный закон, ограничивавший продолжительность судоговорения тремя часами клепсидры. Таким образом, республиканский процесс – это прежде всего публичное состязание ораторов, что отчасти объясняется пассивной ролью обвиняемого, за которого говорил и «уговаривал» судей его защитник и друзья.

Главной задачей судебных ораторов являлось стремление сделать убедительными приводимые ими доводы, ибо «единственная мера ораторского успеха в глазах несведущих – конечная победа». Даже если для этого приходится, по словам Цицерона, «обращать дружбу в

ненависть и ненависть в дружбу» (Об ораторе. II, 17, 72). Наша защита, откровенничает Цицерон, состоит по большей части в отрицании сделанного: «В делах о лихоимстве (т. е. вымогательстве) надо почти все отрицать; и в делах о подкупе редко бывают данные, по которым можно было бы отличить щедрость и радушие от подкупа и взяток; а в делах об убийствах, об отравлениях, о хищениях отрицание вины и подавно необходимо» (Об ораторе. II, 25, 105). При всем при этом судебный защитник не имел тогда преимуществ обвинения, он мог рассчитывать только на добровольных свидетелей и добровольно выданные улики и доказательства. Однако это неравенство смягчалось выгодным процессуальным положением защитника: бремя доказывания (*onus probandi*), в соответствии с максимой «отрицание не нужно доказывать», лежало на обвинении.

С общественной обязанности *consultus iuris* молодые аристократы начинали в Риме свою политическую карьеру. А чтобы приобрести популярность и увеличить свои шансы на занятие более высоких должностей (в республике был выработан *cursus honorum*, т. е. последовательность прохождения магистратур), такой оратор-консультант избирал своей жертвой видного политика и обвинял его в действительном или мнимом преступлении. Тацит (I в. н. э.) даже пытался оправдать такое поведение, отмечая, что дар судебной речи – лучшее, что есть у молодого оратора и чего нет у людей опытных, пользующихся влиянием в обществе и располагающих всеми благами зелеными (Диалог об ораторах, 6). Цицерон добавляет, что для обвинения он избрал бы таких лиц, «обличение которых могло бы принести мне пользу в будущем» (За Росция. XXX, 83). Занятие правом квалифицировалось в республиканском Риме как «священное и благородное занятие», не подлежавшее вознаграждению. В III в. до н. э. был принят специальный закон, запрещавший адвокату-патрону принимать гонорар от клиента-подзащитного. В конце республики сенаторы в один голос требовали восстановления положений данного закона, который, видимо, постоянно нарушался. Но если до этого времени судебные ораторы были людьми знатными и состоятельными, то теперь ими все чаще становились незнатные и небогатые римляне. Поэтому в I в. н. э. римские адвокаты получили, наконец, законное право на гонорар в сумме 10 тыс. сестерциев. Превысившие данную сумму привлекались к суду как за вымогательство (Тацит. Аналлы, XI, 5–7). Сколь актуальной оставалась эта проблема и в эпоху империи (I–V вв.), свиде-

тельствует вошедшая в Дигесты Юстиниана речь римского юриста-классика Ульпиана, который обстоятельно рассуждает по поводу характера адвокатской деятельности и форм ее вознаграждения (Дигесты. 50, XIV, 1–3) [6].

Важнейшей ветвью власти в республиканском Риме была магистратура. В институциональном смысле это та отделенная от народа публичная исполнительная власть, которая являлась неотъемлемым элементом всякого древнего государства. Ежегодно в республике избиралось около 50 магистратов, среди которых высшими считались консулы и преторы, обладавшие правом *империя*, т. е. правом приказывать и карать от имени всей гражданской общины. Символом такой власти были ликторы-телохранители, сопровождавшие в общественных местах консулов (12 ликторов) и преторов (6 ликторов). За спиной у них находились пучки прутьев с воткнутым боевым топориком (*fascis*, отсюда – фашизм, поскольку Муссолини изобразил ликторские фасции на своем гербе). В правовом аспекте империй означал совокупные политические, административные, военные и судебные полномочия высших магистратов, власть которых была по своему содержанию многофункциональной. Все магистратуры строились на принципах выборности, коллегиальности (два и более должностных лица), краткосрочности (все должности были годичными, только экстраординарная неколлегиальная должность диктатора ограничивалась шестью месяцами) и безвозмездности (занимать общественную должность считалось в Риме почетом, *honor*). Деятельность коллегий регламентировалась присягой вступавшего в должность магистрата с обещанием не нарушать законы Римской республики. Как представители римского народа магистраты были наделены *ius auxilii*, т. е. правом оказания помощи всякому гражданину, обратившемуся к ним за поддержкой. Способом осуществления такой поддержки являлась *интерцессия* (букв. «выступить против») с формулой *veto*, т. е. «я возражаю, запрещаю». Таким способом несогласный с каким-то действием коллеги или решением сената магистрат блокировал противоречившие интересам народа антидемократические мероприятия и законы. Чаще всего правом *veto* пользовались народные трибуны, которые даже несколько раз брали под стражу консулов, не желавших идти им на уступки (Цицерон. О законах. III, 9, 20). Трибунская интерцессия иногда была направлена и против коллег по трибунату, что, с одной стороны, могло предотвратить незаконные действия любого из членов этой коллегии, с другой – сенат и отдельные группировки нобилитета

имели возможность блокировать наиболее радикальные трибунские законопроекты.

Еще одним римским политико-правовым понятием, обозначавшим власть высшего республиканского магистрата, было слово *iurisdictio*. В широком смысле, замечает В. В. Дементьева, это компетенция должностного лица с империем, круг его судебно-гражданских полномочий. В римских условиях право юрисдикции позволяло магистрату председательствовать в судебных комициях и специализированных комиссиях по конкретным видам преступлений, а также право самостоятельно решать частные споры (в таком упрощенном магистратском процессе допускалась лишь самозащита обвиняемого). Например, для защиты владельческих прав, не предполагавших долгого судебного разбирательства, применялись преторские *интердикты* (букв. запреты), которые приобретали силу закона, если дело доходило до суда. В узком смысле этого понятия *iurisdictio* представляло собой набор правомочий всякого римского магистрата: право вызова провинившегося (*ius vocationis*), право его задержания (*ius prensionis*), право наложения наказания (*ius coercitionis*). При этом вынести приговор о наказании могли только магистраты с империем, прежде всего преторы [7, с. 61, 69]. Однако римские граждане имели возможность апелляции к народу (*provocatio ad populum*) с просьбой о пересмотре вынесенного магистратом решения. В этом случае комиции выступали в роли высшей судебной инстанции (Цицерон. О законах. III, 44; За Милона. III, 7). В. Н. Токмаков называет право провокации «краеугольным камнем правового суверенитета римского народа» [8]. Но если суровое наказание только грозило римлянину, он мог добровольно удалиться в изгнание, как правило, без конфискации имущества и с правом возвращения на родину. Возможно, замечает Е. М. Штаерман, против такого положения дел и было направлено требование Цицерона о соответствии наказания вине: за насилие – казнь, за скупость – штраф, за страсть к почестям – бесчестие (Цицерон. О законах. III, 20, 46) [9, с. 221]. Из сказанного выше вытекает, что главной особенностью правовой практики республиканского Рима являлась сфера применения права юрисдикции – оно принадлежало в те времена не судьям, а должностным лицам, т. е. магистратам.

Охарактеризуем теперь формы выработки и письменной фиксации основных правовых норм и институтов. Ведущей формой позитивации, т. е. установления права, были в эпоху республики эдикты магистратов и комициальные законы (*комиции* – латинское название

народных собраний). С учреждением должности *городского претора* (рассматривал тяжбы римских граждан) и *претора перегринов* (вел дела между гражданами и перегринами-чужеземцами) в Риме произошло институциональное оформление судебной власти. С ростом территории Римского государства возрастала и численность магистратских коллегий, в частности, число преторов-судей достигло в I в. до н. э. 16 человек. Восполняя пробелы *ius civile*, зафиксированного в кодексе XII таблиц (V в. до н. э.), преторы в своих ежегодных эдиктах (*edicere* – оглашать) обнародовали формулы судебных исков, посредством которых они обязывались защищать не урегулированные законодательством отношения. Оправдавшие себя нормы, переходя из эдикта в эдикт, стали составлять их стабильную часть, приобретая со временем значение права. Другой значимой формой объективации права стали вотированные в комициях законы в виде *leges* (принимались центуриатными собраниями) и *plebiscita* (постановления трибутных комиций). Еще в Кодексе XII таблиц было сформулировано положение о народном собрании как главном законодательном органе: «Всякое решение народа имеет силу закона» (XI, 5). То, что народ являлся в республиканском Риме субъектом власти и права, а комиции были воплощением народного суверенитета, отразилось в представлениях римлян о синонимичности понятия *populus* с понятиями комиции и государство. Проект закона (*rogatio*) обнародовался путем выставления на форуме таблицы с его текстом. На сходках (*contiones*) происходил затем обмен мнениями сторонников и противников новой рогации, после чего проводилось голосование. Вотированный в народном собрании законопроект посредством юридической формулы *populus iussit* (народ повелел, постановил) превращался в обязательную для всех граждан правовую норму.

Принцип утверждения законопроекта голосующим народом был достаточно формальным – его одобрение или отклонение. Ф. Моро замечает, что сенат обладал гораздо большей свободой действий – сенаторы вместе с автором законопроекта могли определить его основные черты и формулировку, обсудить детали, в то время как народ даже на сходках оставался пассивным слушателем и зрителем [10]. В конце концов сенат мог обойти обязательную санкцию комиций на какой-либо акт путем перевода этой процедуры из сферы публично-правовой в административную. Тем не менее источники свидетельствуют о том, что массовые выступления римского плебса нередко сопровождались лозунгом *novae tabulae*, что означало призыв к отмене

прежних законов. Наш «референт» Цицерон и по этому вопросу имел свою точку зрения. Признавая за народом право издавать законы, он вместе с тем не одобрял слишком радикальные законопроекты (например, о переделе земли или об отмене всех долговых обязательств). Если законность состоит в повиновении подобным решениям, то всякий, имеющий такую возможность, будет нарушать закон для своей выгоды, а правом может стать разбой, прелюбодеяние и подлог, если все это будет одобрено голосами большинства (Цицерон. О законах. I, 15, 40–43). Эти слова римского оратора, жившего в эпоху кризиса Римской республики, свидетельствуют тем не менее о правлении народа и в его время. Конечно, комиции не имели рычагов прямого воздействия на власть. Тем не менее сам факт «испрашивания» согласия народа на назначение магистрата или утверждение нового законопроекта знаменовал акт проявления высшего суверенитета полноправного гражданского коллектива. Обычай склонять консульские фасции перед центуриатными собраниями отразил эту роль комиций как суверена. «Populus Romanus представлял собой такую политическую силу, – подчеркивает А. Л. Смышляев, – которую нельзя было игнорировать» [11, с. 47].

Вплоть до II в. до н. э. голосование в римских комициях было открытым (устным) и групповым – центурия и триба имели один голос, складывавшийся из общей суммы поданных в них голосов. Правящий нобилитет (*nobilis* – знатный) использовал разнообразные приемы политической агитации и давления на голосующих – от бесплатных хлебных раздач и организации массовых зрелищ до скупки голосов и прямого давления на голосующих через сеть родственных, клиентских и «партийных» связей. В источниках позднереспубликанского Рима мы часто встречаем слово *партия* (*pars, partis*) с добавлением имени лидера – партия Суллы, партия Помпея, партия Цезаря. В зависимости от социального состава и политической ориентации упоминаются также партия *оптиматов* (знатных, лучших) и партия *популяров* (народных вождей, демократов). Опорой первых был консервативный сенат, вторых – комиции, через которые вожди популяров провели ряд радикальных законов, направленных на демократизацию общественно-политической системы позднереспубликанского Рима. В частности, была введена тайная (письменная) форма голосования с помощью покрытых воском табличек, на которых острой палочкой (*stilus*) прочерчивались начальные буквы имени кандидата в электоральных комициях; буквы А (*absolvo*, т. е. оправдываю) и С

(*condemno*, т. е. осуждаю) – в судебных; u. r. (*uti rogas*, т. е. как ты предлагаешь), a. (*antiquo*, т. е. стою на прежнем) – в законодательных. Формула *non liquet*, т. е. «неясно», означала отказ от голосования и соответствовала оправдательному приговору за недостатком улик [12, с. 159–163]. Тайное голосование было призвано «оздоровить силу и власть голосующего в собраниях народа»; «первенствующие же, радея о благе оптиматов, страшились той вольности, которую давала толпе табличка» (Цицерон. За Сестия. 103; О законах. III, 15, 34). Но даже при тайном голосовании использовались чисто римские приемы влияния на его исход. Председательствующий в комициях магистрат или жрец-авгур, наблюдавший атмосферные и небесные знамения, могли объявить о «божественном запрете» на продолжение голосования. Сулла, временно установив в начале I в. до н. э. в Риме единоличную власть (*dictatura*), ограничил полномочия народных собраний, изменив даже их состав. Он даровал права римского гражданства 10 тыс. отпущенным на волю рабам (до этого вольноотпущенники получали латинский статус с ограниченным набором гражданских прав). «Олигархическая тирания Суллы» (фраза Цицерона) нарушила традиционный республиканский принцип «равновесия властей» и открыла путь «засилью знати».

Главным содержанием политической жизни позднереспубликанского Рима стала борьба за власть между различными группировками нобилитета. Негласные, частные союзы римских политиков обозначены в источниках рассматриваемого времени понятием *amicitia*, т. е. дружба, «которая была в Риме, – замечает С. Л. Утченко, – понятием чисто политическим» [13, с. 223]. Свои взгляды на такую дружбу Цицерон сформулировал следующим образом: «Чтобы мы о позорных делах не просили и сами их, если нас попросят, не делали. Ведь позорно и непозволительно оправдываться, признаваясь в действиях против государства (у автора – *res publica*) тем, что это было совершено ради друга» (О дружбе. XII, 40). Указанные выше кризисные явления во многом объясняются структурной перестройкой Римского государства, которое с образованием многочисленных провинций за пределами Италии (*pro vincere* – букв. «территории, покоренные оружием») трансформировалось из нуклеарного города-государства в многонациональное территориальное образование. В политическом плане это означало разрушение общинно-полисной республиканской структуры, на смену которой шел имперский бюрократический госаппарат с постоянными ведомствами, включая и судебное. При этом

римская гражданская община всегда оставалась открытой социальной системой – она постоянно пополнялась новыми гражданами, которые уже не могли непосредственно участвовать в голосовании на римском форуме. Представительной же системы античная прямая демократия так и не выработала. По подсчетам современных антиковедов, в I в. до н. э. в самых многочисленных комициях мог принимать участие только 1 из 45 граждан, обладавших правом голоса (*ius suffragii*). В итоге правление народа превратилось, по словам самих римских писателей, в политику толпы, которая и являлась в позднереспубликанском Риме сувереном, легитимировавшим в комициях решения других властных органов.

Аномальное могущество в Риме городского плебса (около 300 тыс. из 900 тыс. общего числа римских граждан) и хлынувшие из провинций богатства, концентрировавшиеся в руках «первенствующих», обернулись перерождением республиканской демократии. Главными механизмами ее функционирования стали раздачи благ (хорошо известен лозунг римских плебеев «*хлеба и зрелищ!*») и идейно-психологическая обработка граждан с помощью подкупа и демагогии (Цицерон. За Сестия. 103–106). Именно в это время издается множество законов с характерным названием *de ambitu*, в которых перечисляются все виды существовавших тогда коррупции и подкупа. М. Бартошек называет это явление «язвой общественной жизни позднереспубликанского Рима» [14, с. 46]. Наиболее честолюбивые и успешные политики, сделав своей опорой легионы, нарушали предписания республиканской «конституции», возвышаясь над ее институтами. Концентрируя в своих руках полномочия и прерогативы всех важнейших республиканских магистратур, они способствовали замене выборной, коллегиальной и краткосрочной власти властью несменяемой и неограниченной.

Бывшие консулы и преторы (*промагистраты*), выезжая наместниками в провинции, нещадно грабили провинциальное население. В 149 г. до н. э. специальным законом в Риме была учреждена первая постоянная судебная комиссия для рассмотрения жалоб провинциалов на зарвавшихся римских наместников. Затем в ведение таких специализированных комиссий перешли дела о государственной измене (римская формулировка: *об оскорблении величества* римского народа), казнокрадстве и насилиях. Придя к власти, Сулла издал ряд суровых законов против уголовных преступлений, организовав отдельные суды по конкретным видам *crimen*. Значение постоянных комиссий и

судов в том, что в их рамках сформировались специализированные советы по конкретным видам исков. Однако в Риме уже хорошо знали «цену» присяжного судьи-сенатора, что породило у простых людей страх перед судом и судьями (Светоний. Божественный Юлий, 43; Цицерон. О законах. III, 29) [15]. Свидетельством этого являются сохранившиеся на римских надгробиях эпитафии, в которых при перечислении добрых дел и заслуг покойного, отмечалось, что он никогда не судился. Отразившие реалии римской жизни новозаветные тексты содержат совет не обращаться в суд, который приведет к тюрьме и разорению (Матфей. V, 25–26; Лука. XII, 58–59). Но, может быть, самым ярким примером беззакония, царившего в Риме в эпоху кризиса республиканской системы, стала судьба самого Цицерона. Приняв после убийства в марте 44 г. до н. э. Цезаря сторону его наследника и политического преемника Гая Октавия, оратор был затем им предан и отдан на растерзание легионерам. Убийцы доставили его голову и отрубленную руку Антонию, против которого Цицерон написал и затем произнес на форуме ряд обличительных речей. Выплатив обещанную награду убийцам, Антоний поставил голову оратора на обеденный стол для того, чтобы его жена колола язык оратора булавками. Платой за успех, пишет С. Л. Утченко, была для Цицерона сама жизнь [16, с. 352]. «Бесстрашным и неимущим должен быть тот, – сказал однажды в суде сам Цицерон, – кто станет народным вождем и знаменосцем» (За Мурену. XXV, 50).

Заключение. Итак, проведенный выше анализ вызывает закономерный вопрос: какой политический вес имели властные институты республиканского Рима – суд, народное собрание, сенат, магистраты, или, как говорит Ф. Моро, «действующие лица римской политической игры» [10, с. 164]? Был формальным или фактическим демократизм народных собраний? Наконец, был ли действенным суд этого времени, ведь судебными полномочиями обладали и магистраты, и комиции, и специализированные постоянные комиссии по отдельным категориям дел? В источниках нет прямого и однозначного ответа на все эти вопросы, которыми еще много лет назад задалась автор данной публикации. Пристальное внимание к данной проблематике и в современной романистике свидетельствует об ее важности, ведь древние римляне были заняты тем, чем заняты и мы сегодня – поисками тех условий, которые позволили бы стабильно функционировать их цивилизации. В республиканском Риме сформировались законодательная, су-

дебная и административная (последняя в виде магистратской интерцессии и преторских интердиктов, т. е. запретов) формы защиты личных и имущественных прав граждан. Главной особенностью правоприменения того времени было наличие нескольких судебных инстанций по разным категориям дел, а сами суды и народное собрание являлись ареной политической борьбы. Исковая форма права, его процессуальный характер составляли специфику гражданского права Рима республиканской эпохи.

Список использованных источников

1. *Гарсиа Гарридо, М. Х.* Римское частное право: казусы, иски, институты / М. Х. Гарсиа Гарридо; пер. с исп. – М.: Статут, 2005. – 811 с.

2. *Цицерон, Марк Туллий.* Речи / Цицерон. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. I: 441 с.; Т. II: 397 с.; Диалоги о государстве – о законах. – М.: Наука, 1966. – 223 с.; Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972. – 471 с.; О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: Наука, 1975. – 245 с.

3. *Бенвенист, Э.* Ius и клятва в Риме / Э. Бенвенист // Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1995. – С. 306–312.

4. *Рулан, Н.* Юридическая антропология / Н. Рулан; пер. с фр. – М.: Норма, 2000. – С. 295; *Исаев, И. А.* Власть и закон в контексте иррационального / И. А. Исаев. – М.: Юрист, 2006. – С. 169; *Пахалов, М. Ю.* Ритульность и иррациональность судебного процесса / М. Ю. Пахалов // Государство и право. – 2007. – № 6. – С. 114–120.

5. *Дождев, Д. В.* Римское частное право / Д. В. Дождев. – М.: Норма, 2002. – 765 с.

6. *Тацит, Публий Корнелий.* Анналы. Малые произведения. История / Публий Корнелий Тацит. – М.: Изд-во «Ладомир», 2001. – С. 232–234; Дигесты Юстиниана: в 8 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М.: Статут, 2005. – Т. VII. Ч. 2. – С. 443–445.

7. *Дементьева, В. В.* Магистратская власть в Римской республике: содержание понятия imperium / В. В. Дементьева // Вестник древней истории. – 2005. – № 4. – С. 46–75.

8. *Токмаков, В. Н.* Роль центуриатных комиций в развитии военной организации Рима ранней республики / В. Н. Токмаков // Вестник древней истории. – 2002. – № 2. – С. 143–157.

9. *Штаерман, Е. М.* Римское право / Е. М. Штаерман // Культура Древнего Рима. – М.: Наука, 1985. – Т. I. – С. 210–247.

10. *Моро, Ф.* Sublata priore lege / Ф. Моро // Вестник древней истории. – 2004. – № 4. – С. 154–165.

11. *Смышляев, А. Л.* Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме / А. Л. Смышляев // Вестник древней истории. – 2003. – № 3. – С. 46–60.

12. *Трухина, Н. Н.* Политика и политики «Золотого века» Римской республики / Н. Н. Трухина. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 184 с.

13. *Утченко, С. Л.* Политические учения Древнего Рима III–I вв. до н. э. / С. Л. Утченко. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

14. *Бартошек, М.* Римское право: понятия, термины, определения / М. Бартошек. – М.: Юридическая литература, 1989. – 448 с.

15. *Светоний*. Жизнь двенадцати Цезарей / Гай Светоний Транквилл. – М.: Наука, 1964. – 375 с.
16. *Утченко, С. Л.* Цицерон и его время / С. Л. Утченко. – М.: Мысль, 1972. – 388 с.